

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПРАВЛЕНИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА И МЕДУНАРОДНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СЛЕДУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Дмитрий Тренин

В 1999 г., когда Владимир Путин вступил на политическую арену, одной из широко обсуждавшихся тем была - «мир без России». Дефолт, как казалось многим, надолго поставил крест на международных амбициях Москвы. Уже в своей первой статье, опубликованной накануне отставки Бориса Ельцина, Путин признал, что крах Советского Союза был главным образом следствием его экономической неэффективности. Став президентом, Путин поставил цель – восстановить позиции России как великой державы, вновь превратить ее в глобального игрока, но на иной, чем у СССР, основе: не военно-идеологической, а экономической. Условия для этого, как оказалось, складывались крайне благоприятно: Путину выпало быть главой государства в эпоху быстрого роста экономики России, обеспеченного в значительной степени ростом цен на энергоресурсы.

Путин вступил на международную арену как прагматик, готовый пробовать для достижения поставленной цели разные средства и способы. Для начала Путин привел в порядок унаследованное им от Бориса Ельцина внешнеполитическое хозяйство. Он закрыл «косовскую» главу в отношениях с альянсом, вызванную бомбежками Югославии вопреки протестам Москвы. Он установил тесный личный контакт с британским премьером Тони Блэром, который на некоторое время стал его «проводником» и в Европе, и по ту сторону Атлантики. Первый российский лидер со времен Ленина, свободно говоривший на иностранном языке, Путин сблизился с германским канцлером Шредером – человеком со сходным психологическим типом. Опираясь на этих двух партнеров, Путин мог позволить себе не обращать внимания на волну критики со стороны Евросоюза в связи с войной в Чечне. Москва скорректировала политику в отношении стран СНГ в сторону большего прагматизма и продолжила сближение со странами Азии, прежде всего с Китаем, а также с Индией. На японском направлении без особых потерь удалось выбраться из «ловушки 2000-го года».

С Америкой, где в 2000 г. предстояли президентские выборы, Путин предпочел не обострять отношения. Путин ждал избрания нового главы Белого дома, тщательно подготовился к первой встрече с Джорджем Бушем, установил с ним человеческий контакт, а 11 сентября 2001 г. интуитивно принял верное решение – лично поддержать американского президента в момент, когда США оказались мишенью для террористов. Две недели спустя Путин, вопреки позиции своего окружения, решил поддержать операцию США в Афганистане и не мешать развертыванию американских вооруженных сил в Средней Азии.

Это было, безусловно, стратегическое по своим масштабам решение: российскому президенту предоставлялся шанс стать ведущим союзником Америки в совместной борьбе с мировым терроризмом. В одночасье мировой стратегический расклад полностью перевернулся: НАТО оказывалась анахронизмом, создавалась новая глобальная коалиция во главе с США и РФ. Путину казалось, что в этих условиях Москва могла рассчитывать на благожелательное отношение Вашингтона к своим основным интересам. Но в действительности какой-то конкретной стратегической линии за этим шагом Путина не стояло. «Окно возможностей» просуществовало недолго: американцы не согласились считать постсоветское пространство сферой жизненных интересов России, что было главным пунктом кремлевской повестки дня, а уже к лету 2002 г. США переключились на

подготовку войны против Ирака. С момента вторжения США в Ирак стратегическое партнерство Москвы и Вашингтона резко пошло на убыль. Белый дом и особенно Пентагон уже не особенно нуждались в помощи Москвы, а в Москве в акциях США увидели опасный симптом стремления к силовой гегемонии.

В такой обстановке составила «новая Антанта» - недолговечное блокирование Парижа, Берлина и Москвы с целью «дружественного сдерживания» США. Путин еще в начале своего первого президентства провозгласил «европейский выбор» России и теперь – в условиях растущих цен на энергоносители - рассчитывал на политическое, но прежде всего экономическое сближение РФ и стран Евросоюза. Опираясь на тесные личные связи с руководителями Германии, Франции, Италии, Испании, он стремился выстроить отношения позитивной взаимозависимости, основанные на взаимопроникновении капиталов. Казалось, что стратегическое сближение России и ведущих стран Европы становилось необратимым.

С началом «дела ЮКОСа», однако, отношения с Западом надломились, а 2004 год – год расширения ЕС и НАТО, теракта в Беслане и «оранжевой революции» на Украине - стал и вовсе поворотным в отношениях России и ее новых партнеров. После бесланской трагедии Путин фактически обвинил США в проведении политики, направленной на ослабление России и ее расчленение. События на Украине, где российский президент потерпел тяжелое личное поражение, стали трактоваться не только как спецоперация США по отрыву Украины от России, но как создание плацдарма для осуществления «оранжевого сценария» в Москве.

В этой обстановке прежние попытки интеграции в структуры Запада казались наивными и напрасными. Вчерашние партнеры, прежде всего американцы, вновь предстали в виде традиционных соперников. Признав союз с Западом, к которому стремились Горбачев и Ельцин, бесплодным и бесперспективным, Путин «подал на развод». Россия, рассудил он, больше не бедный родственник: она ничего никому не должна и будет искать счастья в одиночку, время от времени вступая в ситуативные связи с самыми различными партнерами – по своему выбору.

В начале правления Путина многие восторгались деидеологизированным прагматизмом российской внешней политики. После «оранжевого шока» идеологическая нагрузка появилась. Тезис о «суверенной демократии» - при всей его сомнительной и совершенно необязательной «научности» - крайне важен для понимания исходной точки и пункта назначения политики Кремля. «Суверенность» России означает ее формальную и фактическую независимость от Запада – США и Евросоюза. Это главная часть формулы. «Демократия» содержит претензию на качественное равенство с Западом, переставшим восприниматься в качестве «учителя жизни». Российская демократия опирается не столько на институты, а, как подчеркивает президент Путин, на доверие народа своим руководителям. Таким образом, формула «суверенной демократии» посылает сигнал Западу: мы не ниже вас и не хуже вас. Что же до ролевой модели, то в мире, с точки зрения Кремля, существует – помимо России – только одна настоящая суверенная демократия. Это США. Остальные либо недостаточно суверенны, либо недостаточно демократичны.

Рассчитавшись с долгами, руководители РФ демонстративно отказались от положения «слушателя» и вышли из партера на сцену. Россия обрела не только «свободу слова», но и свободу рук на международной арене. Сегодняшний Путин, в отличие от самого себя восемь лет назад, отвергает связывающие союзы (например, гипотетическую возможность вступления России в НАТО), допуская участие в интеграции либо на

глобальном уровне (G-8, ВТО, ОЭСР), либо при ведущей роли РФ (на постсоветском пространстве). Единственный из лидеров «восьмерки», он общается с руководителями Венесуэлы, ХАМАС. С Ираном, злейшим врагом Америки, Россия сотрудничает в области ядерной энергетики, поставляет ему системы ПВО и другие вооружения. Не отказываясь от европейского происхождения России, президент РФ подчеркивает ее евразийскую «прописку» и претендует на глобальный статус страны, ее право на полноценное участие в формировании универсальных ценностей и мировой повестки дня.

Западные ценности, принимавшиеся в 1990-е гг. за общечеловеческие, оказались сведенными до частного случая: лозунг дня-2008 мог бы звучать: «России - русский стандарт». Ценностной основой общества все громче провозглашается православие. Кремль при этом не намерен ограничиваться границами РФ: президент лично способствовал воссоединению Московского патриархата с Зарубежной церковью. Выступление Патриарха всея Руси в Страсбурге ознаменовало предъявление особого «русско-православного взгляда» европейской аудитории. Тем самым Россия пытается выступать в роли защитницы традиционных, т.е. христианских ценностей Европы – одновременно представляясь защитницей ислама в ранге наблюдателя в Организации исламская конференция. Отвергая претензии ОБСЕ и Совета Европы на универсальную компетентность в вопросе прав и свобод человека, представители РФ заявили о создании общественного института свободы и демократии с отделениями в Нью-Йорке и Париже.

Информационное продвижение России в мире отмечено проведением под председательством Путина международных форумов беспрецедентного уровня и масштаба: празднования 300-летия С.-Петербурга (2003 г.), 60-летия Победы (2005 г.), саммита «Восьмерки» (2006). Впереди – Зимняя Олимпиада в Сочи (2014 г.) и саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке (2012 г.). Заработал – на английском и арабском языках – круглосуточный телеканал Russia Today. В газетах Washington Post и Daily Telegraph стали регулярно появляться вкладыши с политической и экономической информацией о России. Сам Владимир Путин, стартовавший в политику из почти полной неизвестности, стал человеком года-2007 по версии журнала Time.

Тем не менее, имидж России за последние четыре года существенно ухудшился – несмотря на повышение кредитных рейтингов. «Дело Литвиненко» спровоцировало невиданное обострение критики в отношении не только конкретных действий, но всей внутренней и внешней политики российских властей и лично президента. С точки зрения Кремля, такая реакция Запада означало одно: возвращение России на мировую арену стало восприниматься как реальная угроза однополярному миропорядку, сложившемуся в результате окончания холодной войны и распада СССР. Путин принял решение перейти в контрнаступление.

Принято считать, что мюнхенская речь Владимира Путина в феврале 2007 г. открыла новый этап российской внешней политики. В действительности она, как мы видим, завершила лишь поворот, обозначившийся тремя-четырьмя годами раньше. Смысл поворота – в возвращении России в положение самостоятельного, не связанного никакими «сложно-подчиненными» отношениями с Западом, игрока на международной арене. Мюнхен в этом контексте – драматическое изменение тональности общения, резкая смена тактики, но не стратегии.

Материальная основа российской внешнеполитической самостоятельности очевидна. Это – практически выплаченный внешний долг РФ, резко возросшие валютные резервы, многократно увеличившиеся размеры экономики (ВВП 1,25 трлн.долл. против

200 млрд. в 2000г., 8-е место в мире). Эти показатели основываются на устойчивом экономическом росте последних девяти лет. То, что этот рост достигнут во многом – по некоторым оценкам, на 50%? - благодаря высоким ценам на энергосырье, - факт, не отменяющий самой реальности роста. В 1970-е гг., как известно, советское руководство не сумело грамотно распорядиться нефтяными доходами, и спустя десятилетие столкнулось с жесточайшим валютным кризисом.

Международная политическая конъюнктура так же благоприятствует России, как и конъюнктура цен на энергоносители. Начиная с 2005 г. мировая сверхдержава США испытывает возрастающие трудности в Ираке, а также в Афганистане, куда переместился центр тяжести практической деятельности НАТО. Разговоры об общем кризисе американской внешней политики и беспрецедентном падении престижа США в мире стали общим местом. В последнее время к ним добавились размышления об ослаблении американской финансовой мощи. «Цветные революции» на постсоветском пространстве, которых Кремль не на шутку пугался в 2004-5 гг., заметно поблекли. Притягательность примера Украины, Грузии, не говоря уже о Киргизии, снизилась. Расширившийся Европейский Союз по-прежнему поглощен проблемой внутренней интеграции. Китай продолжает неуклонное возвышение, но его отношения с Россией остаются устойчиво дружественными. Возрастает международный вес других развивающихся стран – Индии, Бразилии, ЮАР. «Многополярный мир», который уже больше десяти лет не устают возвещать в Кремле и на Смоленской площади, принимает реальные очертания.

«Тыл» российской внешней политики также выглядит крепким. Кремль ощущает себя стопроцентным победителем. Власть собрана в кулак. Думские выборы превратились в плебисцит поддержки популярного президента. Президентские выборы фактически окончились еще до официального старта предвыборной кампании. От олигархата остались смутные воспоминания, бизнес усвоил урок послушания, коммунисты, оставшиеся единственной оппозиционной силой, втиснуты в компактную «нишу», либералы рассеяны, унижены и объявлены апатридами. Народ безмолвствует: кто-то вкушает плоды «просперити», кто-то привычно занят выживанием. Лишь отдельные сохранившиеся интеллигенты, как в достопамятные годы, говорят что-то об «эстетических разногласиях» с властью. Территориальная целостность страны между тем восстановлена: «чеченизация» сработала успешно. На территории России уже три-четыре года не ведутся боевые действия и не осуществляются крупные теракты.

Политтехнологам из Администрации Президента в основном удалось направить постимперскую волну национализма в русло консервативного государственного патриотизма. Благодаря тесному сотрудничеству Кремля с РПЦ православие становится ценностной основой общественной жизни. Школьные учителя получили «национально-ориентированный» учебник истории. В этих условиях самостоятельная внешняя политика Москвы получает широкую поддержку в элитах и в большинстве слоев общества. Едва уловимый в 1990-е гг. внешнеполитический «консенсус» трансформировался в почти автоматическое одобрение любых дипломатических шагов Кремля. Время бессильной «обиды за державу» сменилось временем чувствительных ответных ударов.

Итак, Мюнхен-2007 – это прежде всего смена *тактики* российской внешней политики. От глухого выражения недовольства действиями США – к публичному оппонированию им. От жалоб на неучет российских интересов – к односторонним действиям по обеспечению этих интересов. От возмущения западной критикой действий российских властей – к язвительным, иногда на грани оскорблений («третий рейх», «сопливый нос» и т.д.), выпадам в адрес обидчиков, к «зачистке» инструментов их влияния на территории России и переносу дискуссий на поле оппонента. Мюнхен и все,

что вслед за ним последовало, – это попытка *принуждения к партнерству* на условиях Кремля. В сжатом виде эти условия сводятся к следующему. Принимайте нас такими, как есть, и не вмешивайтесь в наши внутренние дела; ведите дела с нами, как с равными себе; там, где наши интересы пересекаются, решение может быть только компромиссным. Мы уступим, только если уступите вы.

Прошел год. Что сделано? Москва резко обозначила пункты расхождений с Западом. Проблемы контроля над вооружениями на всех уровнях – стратегическом оборонительном и наступательном (проблема ПРО в Европе и договор СНВ-1), средних ракет (договор по РСМД), обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) – вновь оказались в центре российско-американских и отчасти российско-европейских отношений. Москва не только «оскалилась». Она сделала Вашингтону серьезное предложение по ПРО, направленное на превращение американского проекта в американо-российский. Россия искренне добивается продолжения процесса СНВ, «глобализации» РСМД и ратификации адаптированного ДОВСЕ. Чтобы продемонстрировать свою решительность, Москва приостановила действие первоначального договора ДОВСЕ, как «безнадежно устаревшего».

Не останавливаясь на этом, Москва пошла ограниченную демонстрацию военной силы в воздухе и на море. Стратегические бомбардировщики вновь, как 20 лет назад, проверяют надежность систем ПВО США и их союзников по НАТО, а ТАКР «Адмирал Кузнецов» с небольшим отрядом кораблей возвращает Андреевский флаг в Средиземное море. Помимо очевидной необходимости для летчиков – летать, а для моряков – ходить в дальние походы, в обоих случаях речь идет о глобальном пиаре: в мире есть держава наряду с США, способная к глобальному проецированию если не силы, то, во всяком случае флага. Другая эффектная демонстрация была организована на суше в центре России – в ходе «антитеррористических» учений Шанхайской организации сотрудничества, в которой наряду с хозяевами участвовал довольно многочисленный контингент Народно-освободительной армии Китая.

На уровне вопросов региональной безопасности РФ, к удивлению многих, отказалась «разменять» косовскую проблему на ряд текущих уступок со стороны Запада, поставив США и ЕС в неприятное положение: либо принять российский подход (неограниченные во времени переговоры до тех пор, пока диаметрально противоположные позиции не сойдутся в какой-то неопределенной точке), либо идти на нелегитимные действия (признание односторонне провозглашенной независимости). В последнем случае Косово, вдовав, рискует приобрести прецедентное значение для «сепаратистской стороны» в «замороженных конфликтах» на постсоветском пространстве и в других регионах.

Наконец, Кремль недвусмысленно дал понять США и Европе, что он не желает более подвергаться унижительной процедуре «выставления отметок за демократию» со стороны инспекторов из Бюро по правам человека и демократическим институтам ОБСЕ. Наблюдение за думскими выборами 2007 г. и за президентской кампанией 2008 г. было организовано так, чтобы недвусмысленно дать понять: все происходящее есть внутреннее дело России. Москва не считает необходимым или интересным для себя инспектировать других, и не допустит, чтобы другие проверяли ее.

Меньшая часть комментаторов, убедившись на опыте последних лет в невозможности для Запада направлять внутреннее развитие России, предлагают сосредоточиться на внешнеполитических сюжетах. Исходя из логики *Realpolitik* и

принципа геополитических «разменов», они призывают США и ЕС учитывать законные интересы России на международной арене и на этой основе добиваться решения проблем (например, ядерной проблемы Ирана), которые страны Запада не могут решить без привлечения других крупных игроков, включая Россию. Исход дебатов непредсказуем, как и то, какое влияние они окажут на политику следующей администрации США. Новым стало то, что впервые с начала 1990-х гг. «русские чтения» на Западе утрачивают однозначную внутривосточную ориентацию. В отношениях России со странами Запада наряду с проблемами демократии открылся полномасштабный «второй фронт» - дипломатический.

Вряд ли США удастся «простить» Россию, превратить ее в удобного для себя партнера. Нынешняя внешнеполитическая стратегия Кремля по сути своей – это ревизионизм. Если говорить коротко, Москва стремится переиграть «концовку» холодной войны. Речь не идет, конечно, о стремлении восстановить Советский Союз, расставить гарнизоны по Эльбе и Висле и тем более вновь войти в Афганистан. Москва стремится встать вровень со всеми своими основными партнерами на Западе и Востоке и создать центр силы и влияния на пространстве от Евросоюза до Китая в меридиональном отношении и от Северного полюса до «традиционного» Ближнего и Среднего Востока – в широтном.

В отличие от периода «холодной войны», «сумма игры» в новом раунде российско-западных отношений не обязательно будет нулевой (выигрыш одного = проигрыш другого), но в отличие от периода «стратегического партнерства» она не обязательно будет и положительной для всех. Может случиться, что и Россия, и Запад совместно проиграют – хотя, скорее всего, тоже в разной степени. Ставки в игре вновь поднялись, и значение стратегического планирования и дипломатического искусства резко возросло.

Особенность российского «принуждения к партнерству» заключается в использовании силовой дипломатии не для возрождения противостояния, а для обеспечения выгодных условий сотрудничества. Раньше Москва играла с «позиции слабости», теперь пробует себя в «позиции силы». Задиристую тактику, однако, можно принять за конфронтационную стратегию. В прошлом СССР много терял, когда его оборонительные по сути шаги (размещение ракет на Кубе, установка ракет СС-20 в Европе, вторжение в Афганистан) воспринимались Западом как агрессивные и провоцировали реакцию, ухудшавшую международное положение страны. Традиционно слабая сторона российской внешней политики – неумение достоверно объясниться с Америкой и Европой. Милые, по Фрейду, оговорки российских военных насчет «вероятных партнеров», хороши ровно до тех пор, пока «противники-партнеры» не готовы принимать их всерьез. После чего ситуация резко изменится.

Речь, однако, не только о стилевом оформлении высказываний официальных лиц. В сфере военной безопасности выход РФ из системы договоров, все еще определяющих военно-политические отношения в Евро-Атлантическом регионе, может создать новую, уже ничем не регулируемую ситуацию. Действительно, первоначальный договор ДОВСЕ устарел, а адаптированный не ратифицирован и содержит ограничения для РФ и лазейки для партнеров. Да, есть соблазн «вскрыть» договор по средним ракетам, чтобы под прикрытием угроз в адрес «партнеров» на Западе укрепить потенциал применения силы на юге и потенциал сдерживания – на востоке. Тем не менее, без системы договоров по контролю над вооружениями стратегическое положение России в обозримой перспективе становится более уязвимым.

Даже принимая тезис о неконфронтационности внешней политики России, нельзя не замечать, что военная политика РФ, оставаясь в принципе оборонительной, рассматривает США в качестве вероятного противника. Совместная борьба с терроризмом и другими современными вызовами отошла на третий план. Политически облик войн будущего вновь приблизился к классическим образцам XX века. Уже не только система вооружений, но и военная доктрина и практика боевой и оперативной подготовки ВС РФ нацелена на сдерживание США в готовности дать отпор их действиям. Логика сдерживания такова, что подобная установка генерирует враждебность и восстанавливает инфраструктуру конфронтации.

Сосредотачиваясь на США как вероятном противнике, политика РФ «рикошетом» бьет по Европе. Москва предупредила Варшаву и Прагу о том, что размещение на их территории элементов американской глобальной системы ПРО вынудит Россию нацелить на эти объекты российские ракеты. Говорилось также о возможности размещения российских ракетных систем и ядерного оружия в Калининградской области и в Белоруссии. Пока что речь идет о психологической работе с «геополитическими перебежчиками», но если такая линия продолжится, то Москва может спровоцировать реакцию, обратную желаемой: европейцы – не только центральные, но и западные - не отшатнутся от США, а прислонятся к ним для защиты от «новой русской угрозы».

Здесь коренится главная проблема «принуждения к партнерству». Если Москве удастся договориться с Западом о новых правилах игры, она может повысить свой статус и укрепить безопасность. Если же договоренности достичь не удастся, то инерция силовой дипломатии и накал антизападной риторики будут толкать Россию туда, куда ей не нужно – к конфронтации, которую решительно отвергают в своих выступлениях президент Путин и министр Лавров. Собственно, и тот и другой говорят об опасности противостояния, но видят ее корни исключительно в политике США. Будущие историки могут с такой трактовкой не согласиться.

Выступая в Мюнхене, президент Путин обозначил ревизию концовки «холодной войны» в качестве главной цели внешней политики на западном направлении. «Полувыход» из ДОВСЕ и финансовые санкции против ОБСЕ - частности. Главное - сведение роли США до положения «первого среди равных» и формирование многополярного мира. Управление таким миром видится на основе «концерта держав», созданного по подобию «Священного союза» XIX века или реально функционирующего Совбеза ООН. Широко распространено представление, что роль и влияние традиционного Запада снижается на фоне возвышения новых центров силы – Китая, Индии, Бразилии (коллеги РФ по группе БРИК), а также ЮАР, Ирана, Индонезии и других. Стоя одной ногой в «восьмерке», а другой лоя «новой волну», Москва надеется стать своего рода глобальным медиатором, а если удастся, то и мировым «кингмейкером».

В этой связи растет значение отношений РФ с Китаем. В начале путинского правления в Пекине беспокоились: куда повернет новый президент? Больше всего там опасались, естественно, российско-американского сближения, наметившегося сразу после 11 сентября. Путин, однако, взял курс на стратегическое партнерство с Китаем, хотя реальное наполнение этого проекта и его перспективы остаются неясными. Главное достижение Путина на сегодняшний день – окончательное решение вопроса о границе между РФ и КНР. Шанхайская организация сотрудничества превратилась в важный региональный форум. От военно-технического сотрудничества РФ и КНР перешли к совместным военным учениям. Заработал в первом приближении казавшийся фантастическим «треугольник Примакова» - тройственное дипломатическое взаимодействие России, Китая и Индии. Правда, несмотря на регулярные визиты и

декларации, Индия по-прежнему остается в глубоком резерве российской политики, остальные страны Восточной Азии в лучшем случае лишь обозначены в политике Москвы.

Балансируя между более крупными международными величинами, Россия в 2000-е годы стремилась выстроить собственный центр силы в Евразии – на пространстве от ЕС на западе до КНР на востоке, от Северного полюса (куда тянется хребет Ломоносова) до бывшей южной границы Российской империи и СССР. Расчет делается на то, что российская экономика, как наиболее мощная, сможет выступить в роли магнита по отношению к экономикам других стран СНГ. Экспансия российских компаний в странах СНГ станет реальным интегратором евразийского пространства. Возросший политический вес РФ позволит ей оказывать реальную поддержку дружественным режимам и эффективнее обеспечивать региональную безопасность. Наконец, русский язык, образование, наука, культура (в том числе массовая) сформируют вокруг России русскоцентричное гуманитарное пространство.

Практика не полностью оправдывает этот расчет. В политической области РФ за последние восемь лет не удалось урегулировать ни одного конфликта на постсоветском пространстве: все они пребывают в замороженном состоянии. В экономической области интеграция происходит медленно. К тому же здесь есть магниты посильнее, чем Россия: взять тот же Китай, не говоря о ЕС. Отмена имперских преференций, или, говоря словами министра Лаврова, «взаимная экономическая эмансипация» сопровождалась издержками, которые можно было бы радикально сократить – например, в ходе новогоднего газового кризиса 2006 г. с Украиной. В области безопасности способность и готовность Москвы оказать действенную поддержку дружественным режимам (например, узбекскому) в случае серьезного кризиса трудно определить. Русский язык уже сейчас вынужден конкурировать с национальными и другими иностранными языками и культурными влияниями, и сфера его применения в пределах бывшего Союза пока что снижается.

Существенная проблема внешней политики России - ее растущее одиночество. Многополярность означает не волшебное разрешение всех проблем, связанных с гегемонией США, а наоборот, дальнейшее усложнение правил игры. Даже если Россия действительно войдет к 2020 г. в пятерку ведущих экономик мира, ее отрыв от лидеров – США, ЕС и Китая – будет многократным: 3-4% глобального ВВП против 20% у каждого из гигантов. Удерживать равновесие будет не просто, а претендовать на равенство – тем более. Полюсов может быть много, но калибр у них разный.

Несмотря на все заверения официальных лиц, настроения российской правящей элиты еще не устоялись и колеблются подобно маятнику: едва Запад перестал быть моделью для безусловного подражания, как он сразу же превратился в заклятого недруга. Недостаточная зрелость элиты в принципе преодолима, но некоторые конкретные шаги государства могут оказаться опаснее: есть риск, что они загоняют Россию в тупик, ограничивая ей возможности для маневра. Если путем принуждения Запада к партнерству Москве удастся добиться компромиссов по ПРО и ДОВСЕ – очень хорошо. Если нет, что дальше: сможет ли (и захочет ли Россия) реализовывать озвученные ею угрозы, и как далеко она готова здесь зайти по дороге конфронтации и гонки вооружений? Не спровоцируют ли словесные московские угрозы новое объединение стран Запада для сдерживания РФ? Расхожий тезис об ухудшении российско-западных отношений как якобы неизбежном следствии усиления России чем-то неувлимо напоминает идею об обострении классовой борьбы по мере продвижения СССР к социализму. Полезно помнить, что и создание НАТО, и сохранение военного присутствия США в Европе – реакция Запада на международные кризисы, которые были совершенно преднамеренно

спровоцированы Сталиным с целью показать свою «жесткость». Конечно, для полномасштабного переиздания холодной войны оснований пока нет, но затяжные заморозки *одновременно* в отношениях с США и Евросоюзом однозначно противоречат интересам России.

Подведем итоги. За восемь лет президентства Владимира Путина международные позиции России усилились. Решающую роль сыграло укрепление финансового положения страны благодаря повышению цен на энергоносители, а также связанному с этим повышением общему экономическому росту. Осуществленная Путиным централизация власти в стране и реализация контроля государства над бизнесом, а бюрократии – над государством привели к формированию «корпорации Россия», отдельные элементы которой – «Газпром», «Роснефть», «Росатом», «Российские технологии» и др. – приступили к активной международной экспансии. Целенаправленное продвижение российских экономических интересов за рубежом стало важнейшей чертой внешней политики Владимира Путина. Одновременно удалось стабилизировать ситуацию в вооруженных силах и восстановить державный патриотизм в качестве официальной идеологической платформы. Главный результат – самоутверждение России в роли отдельно стоящей великой державы.

Результаты собственно внешнеполитической деятельности скромнее. Попытка РФ встроиться в Запад на своих условиях оказалась неудачной, а на условиях США и ЕС - неприемлемой. Одинокое плавание, которое подается как единственно соответствующее исторической традиции и национальным интересам страны, проходит бурно. Политические отношения с США и большинством стран ЕС натянулись, с некоторыми соседями – обострились. В отношениях с Китаем главное (и бесспорное) достижение – соглашение о границе, что само по себе говорит о многом. Соседи по СНГ скорее отдалились от России, чем сблизилась с ней. Пока что все это мало беспокоит людей, любящих повторять, что настоящие друзья России – это армия и флот, нефть и газ. Между тем грань между жесткой конкуренцией и конфронтацией – а именно на этом стыке стремится сейчас удержаться российская внешняя политика - тонка и почти незаметна. Играть на этой грани способны лишь виртуозы.

До сих пор единственным подлинным субъектом внешнеполитической деятельности России был ее президент. Личность Владимира Путина наложила огромный отпечаток на международное поведение страны. Путин привык доверять главным образом правительственной информации и анализу и выстраивал политику как серию операций. Российский президент довольно быстро вошел во вкус личной дипломатии и преуспел в налаживании контактов с коллегами, среди которых он выгодно выделялся знанием деталей, уверенностью в себе и боевым отношением к прессе. «Другие официальные лица» в основном выступали в качестве помощников главы государства или его посыльных. Администрация Президента после ухода Александра Волошина отстранилась от иностранных дел. Совет безопасности после кратковременного секретарства Сергея Иванова был едва заметен. Министерство иностранных дел при Игоре Иванове и Сергее Лаврове действовало профессионально, с нарастающей, хотя и несколько старомодной, напористостью. Обе палаты парламента перестали играть существенную роль даже в содержательном обсуждении внешнеполитической деятельности, не говоря уже о контроле над правительством. Силовые и правоохранительные ведомства, напротив, чаще задействовались на целом ряде направлений – от контроля над вооружениями до контроля над НПО. Общественный интерес к внешней политике сохранялся и даже отчасти увеличился, но уровень и качество критического анализа действий правительства снизились из-за общего снижения спроса на критический анализ. Напротив, поднялось

значение внешнеполитической пропаганды – как внутри страны, так и вовне ее. Механизм, таким образом, стал жестче, потеряв при этом в гибкости и упругости.

Международная повестка дня третьего президента РФ, по-видимому, будет определяться долгосрочными целями, которые были сформулированы при Владимире Путине. Это – превращение России в крупную современную экономическую державу с развитым энергетическим сектором, но с диверсифицированной экономикой. Это – реализация потенциала «мягкой силы» России в таких сферах, как наука и технологии; образование; наука и культура; язык; индустрия развлечений. Это – превращение РФ в глобальную державу, способную продвигать свои национальные интересы повсюду в мире и при необходимости защищать их. Это, наконец, утверждение РФ в качестве трансрегиональной державы – лидера сообщества государств в новой Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе, ключевого фактора международной политики в Европе, Азии и на Ближнем и Среднем Востоке.

Можно ожидать, что новый глава российского государства изменит стиль президентской дипломатии, который за последнее время стал неоправданно резким. Риторика станет более умеренной, угрозы будут звучать реже – если вообще для них найдется место. Более серьезен содержательный аспект политики. По поводу третьего позиционного района ПРО США в Европе, нового расширения НАТО и раскручивающейся гонки вооружений сказано столько, что опасения Москвы могут стать самосбывающимися. «Превентивные удары» против «попыток определенных сил на Западе втянуть Россию в конфронтацию и гонку вооружений» могут лишь ускорить наступление конфронтации и сделать гонку вооружений неизбежной. Москва очевидно загоняет себя в угол. Пока не поздно, этот процесс необходимо остановить.

Российскому руководству можно пожелать больше выдержки и терпения в выстраивании непростых отношений с США. Не стоит бурно реагировать на все провокации со стороны Вашингтона – вольные и невольные. Не стоит постоянно убеждать себя, что американская внешняя политика нацелена на то, чтобы ослабить и тем более расчленить Российскую Федерацию. Не стоит приписывать руководству США способность последовательно осуществлять целенаправленную, стройную, широко разветвленную и глубоко законспирированную стратегическую линию. После окончания «холодной войны» подобных примеров не было.

Не нужно «зацикливаться» на Америке. Не нужно повторять ее ошибок, как это часто делал Советский Союз. Требуется серьезная аналитическая работа для того, чтобы составить верное представление о современных США, их перспективах и их политике. Необходима продуманная стратегия завязывания диалога на различных уровнях и во всех значимых сферах между россиянами и американцами. Нужно создавать максимально широкую основу для деловых и культурных связей между РФ и США, надо учиться современным способам и приемам лоббирования своих интересов в Вашингтоне. Ближайшая возможность для этого – предстоящее вступление РФ в ВТО и обсуждение вопроса о статусе двусторонней торговли. Проблемы международной безопасности и региональной стабильности требуют самого тесного взаимодействия Москвы и Вашингтона. Во всех этих усилиях главным направлением является налаживание взаимного доверия между Россией и Америкой. Нужно исходить из того, что дружественная Америка – огромное подспорье в деле российской модернизации, а враждебная – еще более серьезный тормоз для нее.

Огромным ресурсом для российской модернизации является Европейский Союз. Нужно терпеливо продолжать выстраивать отношения экономической взаимозависимости

между РФ и ЕС. От грубых действий – угроз в адрес тех или иных государств, явных попыток играть на противоречиях в ЕС – пора переходить к более продвинутым формам работы. Совершенно недопустимо антагонизировать крупные государства – такие, как Великобритания. После более чем 15 лет фактического игнорирования региона Центральной и Восточной Европы – включая страны Балтии - необходима стратегия включения их в активное поле российской внешней политики. Особенно необходим серьезный равноправный диалог с Польшей, охватывающий все основные политические силы этой страны. Нельзя хлопать дверьми в Совете Европы и предъявлять ультиматумы ОБСЕ. Даже в том случае, если адаптированный договор ДОВСЕ не будет ратифицирован и России придется окончательно выйти из договора 1990 г., необходимо приложить все усилия, чтобы военно-политическая стабильность в Европе не была подорвана. Сохраняя принципиальный подход к проблеме Косово, РФ остается заинтересованной в окончательном решении этого конфликта, которое, скорее всего, будет возможно только при лидирующей роли ЕС и в его рамках.

В отношениях с Китаем – не меньше, чем в отношениях с США – требуется налаживание доверительного диалога. Достоверное знание и глубокое понимание современного Китая приобретают фундаментальное значение для будущего российской внешней политики. России еще предстоит выработать стратегию сбалансированного партнерства с быстро развивающимся и уже радикально усилившимся соседом. Эта стратегия должна быть вписана в более широкую азиатскую стратегию России, в центре которой стоят вопросы развития Сибири и российского Дальнего Востока. Принципиальное значение в этой связи приобретает задействование потенциала отношений с крупнейшими экономиками Восточной и Южной Азии – японской, корейской и индийской, а также со странами Тихоокеанского бассейна, в том числе с США, Канадой и Австралией.

В «ближнем круге» соседей России необходимо быстрее продвигаться к созданию единого экономического пространства – фактически «общего рынка» с Казастаном, а по мере формирования благоприятных условий – также с Белоруссией. ЕврАзЭС выступает в качестве второго эшелона интеграционных процессов. Организации Договора о коллективной безопасности требуется большая четкость в отношении мандата. Формирование общего пространства безопасности – не классического военного блока – требует новых подходов. Роль СНГ как профильной организации общего гуманитарного пространства очевидно возрастает, в то время как другие аспекты ее деятельности перестают быть актуальными. Миротворческие операции, осуществляемые Россией по мандату СНГ, должны быть решительно поддержаны реальными усилиями по конфликтному урегулированию – вначале в Молдавии, а затем и в Грузии. Ко времени открытия Зимней Олимпиады-2014 в Сочи абхазский и осетинский конфликты должны быть надежно урегулированы. Наконец, в связи с активизацией темы членства Украины в НАТО необходим широкий диалог с украинской элитой и общественностью по всем важным аспектам российско-украинских отношений.

Предлагаемая повестка дня носит, разумеется, иллюстративный характер и не претендует на полноту.